

27 АВГ 1970

Легенда о летучем певце

Правильно ли пропагандировать Вертинского? Да, правильно. И для того, чтобы понять это, необходимо хоть вкратце напомнить биографию артиста.

Блистательные успехи Александра Вертинского на московских и петербургских эстрадах в 1913 — 1914 годах давным-давно стали историей. И само слово «арнетки» (так называл Вертинский свои песни) звучат сегодня странно и невзাপравдашше. Пел он о разном: о разбитых сердцах, о лиловых неграх и болтающих по-французски попугаях, о креольчиках, которые и вовсе ни о чем не болтают, а лишь печально смотрят на мир своими креольскими глазами. На эстраду А. Вертинский выходил с набеленным лицом, в костюме Арлекина. «Это было оригинально и производило чарующее впечатление», — писал позднее Юрий Олеша. Но мы с вами вряд ли уже поймем, почему это было оригинально и почему производило чарующее впечатление. Более того, сегодня такое вряд ли понравилось бы. Но по тем временам, при нехватке кислорода в общественной атмосфере, Вертинский предстал перед публикой в обличье утомленного и все понимающего человека, мудреца, прожившего тысячи жизней. И к тому же — немного волшебника. Пятнадцатилетние гимназисты, начитавшись романов Фенимора Купера, бегали в Индию, Африку и Америку.

Эпоха была стремительная. Империалистическая война. Февральская революция. Октябрьская революция. «Двенадцать» Блока и громовой голос Маяковского. Борьба с интервентами и штурм Перекопа. А Вертинский, как сфинкс, застыл с неподвижной маской на лице. И толковал о томной луне, о птице со стеклянными перьями... Правда, время от времени он пытался встряхнуться, осовремениться. Его возмутил Деникин, пославший на верную смерть оболваненных пропагандой гимназистов. И появилась песенка, из-за которой эстетствующему шансонье пришлось познакомиться с бело-гвардейской контрразведкой.

Белые бежали из Крыма в Константинополь. И Вертинский поехал, не очень задумываясь над смыслом собственных действий. Так вышло. Так получилось. Впрочем, уже в те дни, в разговоре с генералом Слащевым (тем самым Слащевым, который в конечном итоге осознал свою вину и возвратился в Москву с повинной) Вертинский уже соглашается, что сделан неверный шаг, что вдали от своей страны счастья нет. Слащев вернулся, предстал перед судом. И Советская власть его простила. А Вертинский отправился гастролировать в Париж, Варшаву, Шанхай, Нью-Йорк. Гнался ли он за всемирной славой? Вряд ли. Но слава пришла. Она настигла Вертинского в расцвете сил. Жизнь еще была не в тягость. Впереди открывался длинный ряд светлых и удобных годов. Однако вот что писал в 1931 году журнал «Литература и искусство»:

«Буржуазный обыватель осознает свою беспомощность, ничтожество своего положения — отсюда стремление построить себе хотя бы в искусстве мир утонченной богемы, стиль «миниатюр», «уют». Сюсюканье, «потусторонние» искания, вечная неудовлетворенность и, наконец, как неизбежное следствие всего этого, полный маразм мыслей. Стремление к «глупой сказочке», «смешной и простой, в которой должны твориться самые невероятные чудеса», — одна из тем песенок Вертинского.

Оценка, может быть, чрезмерно строгая, но верная. Тем неожиданнее внешне, тем удивительней было превращение Вертинского. Его крен в сторону социальности. Вначале это выглядело довольно невинно. Он написал серию песен, каждая строчка которых была пропитана ностальгией: «И российскую милую землю узнаю я на том берегу...». И даже четче:

Проплываем океаны,
Бороздим материк
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски...

Наиболее сообразительные идеологи эмиграции заби-ли тревогу. Подобные песни были эмоциональной диверсией: сначала разбудит тоску по родине, а потом посоветует вернуться с повинной, а затем, чего доброго, потребует, чтобы бывшие фрейлины и камерюнкеры от-правились строить Днепрогэс, а великие князья пропи-сались в Комсомольске-на-Амуре.

Вертинский попал в число «красных», в число «больше-вистских агентов». Ему не давали выступать, его травили. Всемирно прославленного артиста заставляли заниматься мелкой и унижительной работой. Сначала это делалось для того, чтобы припугнуть артиста. Не вышло.

Вот тут-то и начинается «парадокс Вертинского». Летучий певец, мотылек стал перерастать в гражданина. Белоэмигрантские листки начали ставить вопрос ребром: надо любой ценой заткнуть рот «коминтерновскому песнопевцу». А Вертинский реагировал на удар и не сда-вался.

Когда фашистские полчища стояли под Москвой, Вертинский во всеуслышанье заявил, что возвращается на Родину, что он готов взять в руки винтовку, что он бу-дет просить, чтобы его, несмотря на возраст, взяли в ар-мию. Он вел широкую пропаганду в пользу Советского Союза. В самый разгар Отечественной войны Александр Вертинский вернулся домой. Он дает по два-три концер-та в день. Он пишет новые песни. Он дает концерты, сбор с которых шел на восстановление разрушенных го-родов. Он много и замечательно работал в кино. Вспом-ните хотя бы «Заговор обреченных» и «Анну на шее».

Мне довелось побывать на одном из последних кон-цертов А. Вертинского. Огромный зал оперного театра был переполнен. Уже очень старый, А. Вертинский пел часа три кряду. Но пел ли? Это было какое-то синтетиче-ское искусство. Он и пел, и изображал, и показывал ру-ками все то, о чем пел. Жест его — знаменитый жест Вертинского — был не монументален, как его принято называть, а хирургически точен. И эта точность потря-сала.

А затем в беседе в номере львовской гостиницы (соб-ственно, беседу вел мой товарищ, а я тихо сидел в углу), артист сказал фразу, которая, как мне кажется, объяс-няет суть «парадокса Вертинского»:

— Человек лишь во вторую очередь имеет право быть артистом или кем-то другим. А в первую очередь он обязан быть солдатом своего Отечества. Горький опыт моей жизни учит тому, что иначе нельзя. Сейчас я сча-стлив, что вернулся не после великой Победы, а в дни, когда решалась судьба моего народа. Фашисты, в случае своей победы, грозили повесить меня на фонаре. Я хочу отдать моему народу все, что я имею. Я вдвойне счаст-лив, что концертные залы полны и что мои песни нуж-ны.

Нежный песенник, шансонье, поэт-модернист, ока-зался сильной личностью.

Вот почему изданная двухмиллионным тиражом пла-стинка стала уже редкостью. Вот почему творчеством Александра Вертинского интересуются не только те, кто видел и слышал его, но и пришедшие значительно позд-нее.

Н. САМБЕЛЯН.